

Траектории жизнеобеспечения в сельской местности вокруг «бычьего рынка» в Кыргызстане

Author: де ля Мартинье (Raphaële de la Martinière), Рафаэль

Source: Mountain Research and Development, 32(3RU)

Published By: International Mountain Society

URL: <https://doi.org/10.1659/MRD-JOURNAL-D-11-00098.1.ru>

BioOne Complete (complete.BioOne.org) is a full-text database of 200 subscribed and open-access titles in the biological, ecological, and environmental sciences published by nonprofit societies, associations, museums, institutions, and presses.

Your use of this PDF, the BioOne Complete website, and all posted and associated content indicates your acceptance of BioOne's Terms of Use, available at www.bioone.org/terms-of-use.

Usage of BioOne Complete content is strictly limited to personal, educational, and non - commercial use. Commercial inquiries or rights and permissions requests should be directed to the individual publisher as copyright holder.

BioOne sees sustainable scholarly publishing as an inherently collaborative enterprise connecting authors, nonprofit publishers, academic institutions, research libraries, and research funders in the common goal of maximizing access to critical research.

Траектории жизнеобеспечения в сельской местности вокруг «бычьего рынка» в Кыргызстане

Изучение аграрных пастбищно-животноводческих изменений на уровне домохозяйств посредством моделирования систем ведения фермерского хозяйства

Рафаэль де ля Мартинье (Raphaële de la Martinière)^{1,2}

raphaeledelamartiniere@gmail.com

¹ École Normale Supérieure de Lyon, 15 parvis René Descartes, 69342 Lyon, France

² Université Paris Ouest Nanterre, 200, Avenue de la République, 92000 Nanterre, France

Данная статья размещается в открытом доступе: при использовании, пожалуйста, указывайте ссылку на полный источник и на автора.

Отгонное аграрное пастбищное животноводство (агропасторализм) выступает в качестве основной озабоченности в спорах вокруг экономического развития и продовольственной безопасности в Кыргызстане. Применяя концепцию «аграрной пастбищно-животноводческой системы», в данном исследовании подчеркивается разнообразие существующих систем семейного ведения фермерского

хозяйства и аграрного пастбищно-животноводческого жизнеобеспечения на региональном уровне и их различные экономические перспективы в постоянно эволюционирующей среде. Качественные и эмпирические исследования, проведенные в восточной части Чуйской области, привели к установлению типологии систем домохозяйственного ведения фермерского хозяйства, основываясь на их ресурсах и стратегиях, показывая аграрно-

экономическую логику во все более усиливающемся неравенстве в сельской местности. Были определены четыре системы ведения фермерского хозяйства: малоимущие домохозяйства, участвующие в приусадебном садоводстве и поденной фермерской работе, рискованные системы ведения малого земледельческого фермерского хозяйства, которые все больше полагаются на внешние ресурсы для собственного жизнеобеспечения, устойчивые системы ведения молочного хозяйства и динамичные производители мяса. В контексте повышающегося спроса на продукцию животноводства в урбанизированной местности, положение каждой из этих систем ведения фермерского хозяйства выявляет его способность воспользоваться экономическими возможностями в сельскохозяйственной сфере и в конкуренции с внешними ресурсами.

Ключевые слова: Отгонное аграрное пастбищное животноводство; сельское хозяйство; домашний скот; системы ведения фермерского хозяйства; рыночная экономика; КРС; жизнеобеспечение; качественные методы; Кыргызстан.

Рецензия: май 2012 г. **Принято:** июнь 2012 г.

Введение

Сельское хозяйство является важным сектором экономики Кыргызстана, составляя 30% от валового внутреннего продукта (ВВП) и 20.4% занятости (FAOSTAT 2011a). Развитие сельской местности, в которой проживает 64% населения, является важным вопросом в контексте бедности в сельской местности и усиливающейся миграции в урбанизированные области, Казахстан и Россию (Schmidt and Sagynbekova 2008).

В условиях, когда 94% территории республики расположены на высоте выше 1000 м, страна страдает от нехватки пахотных земель. Почти 87% сельскохозяйственных угодий отведено под пастбищное животноводство (Kerven et al 2011). Исторически сложилось так, что жители разработали аграрную пастбищно-животноводческую систему, основываясь на сочетании интенсивного земледелия в низинах и экстенсивное отгонное пастбищное животноводство в гористой местности (Ives 2001). В таких антропологических работах, как Abramzon (1979), Japarov (2002), Jacquesson (2003, 2010a) и Farrington (2005) показывается то, как тенденции отгонного пастбищного животноводства остались неизменными в большей части Тянь-Шанского региона, в то время как сельское хозяйство последовательно интенсифицировалось в

соответствии с советскими планами развития (иригация, механизация, развитие промышленных и высокотоварных сельскохозяйственных культур).

После распада советской системы кризис экономики в переходном периоде привел к огромному сокращению объемов общего производства, особенно таких элементов планового производства, как шерстных пород овец и промышленных сельскохозяйственных культур (сахарная свекла и пенька). Численность поголовья скота сократилась почти на 60% в период с 1991 по 1996 гг. (Musabekov 1999, использовалось в Jacquesson 2010a; Farrington 2005; FAOSTAT 2011b; также см. Ajibekov 2005). В контексте растущей безработицы, домохозяйства в сельской местности сосредоточили свои усилия на частном натуральном сельском хозяйстве, особенно после достаточно уравнительного распределения земель в середине 1990-х (Giovarelli 1998). Десять лет спустя были разработаны новые ориентированные на рынок системы производства молока, мяса и овощей. Численность поголовья скота вновь значительно увеличилась (+37% с 2000 г., согласно FAOSTAT 2011b). В данном ситуационном исследовании небольшой аграрной пастбищно-животноводческой области на севере Кыргызстана цель заключается в демонстрации конкретных воздействий этой динамики на жизнеобеспечение в сельской местности.

Подход

Многие исследователи изучали эволюцию сельскохозяйственного сектора Кыргызстана, используя национальные и региональные статистические данные (Light 2007; Favre et al 2010). В таких исследованиях зачастую поддерживаются макроэкономические перспективы и анализируется преобразование аграрной структуры в результате деколлективизации и общих ограничений на сельскохозяйственное производство. В работе Sabates-Wheeler and Childress (2004) и Sabates-Wheeler (2007) критикуется идея того, что приватизация на индивидуальной основе систематически приводит к выгодам в плане эффективности для сельскохозяйственного сектора. Формальное и неформальное взаимодействие между семьями является одной из нескольких стратегий пребывания и работы в среде существенной неопределенности (климатические явления, колебания рыночных цен и правовые и институциональные изменения—см. Steimann 2011) и некоторых проявлений неэффективности рынка (касающихся доступа к финансовому капиталу, сельскохозяйственному оборудованию и землям). На самом деле, через 20 лет после распада Советского Союза, имеется тенденция к основанному на домохозяйстве семейным фермерским хозяйствам, в силу конфликтов внутри групп, растущего социального недоверия и нежелания вести советского типа, коллективные формы производства. Сегодня 90% сельскохозяйственного производства обеспечивается малыми фермерскими хозяйствами (Favre et al 2010).

Индивидуализация производства не привела к более справедливому распределению экономического роста или сокращению бедности. Присутствует необходимость в более подробном анализе социально-экономической динамики и условий жизни в сельской местности со времен развала советской экономики. С конца 1990-х все более растущий объем научной литературы сосредоточивался на уровне домохозяйства, т.е. “группы совместно проживающих лиц, разделяющих большую часть аспектов потребления и черпающих средства из общего фонда ресурсов для собственного жизнеобеспечения” (Kandiyoti 1999: 502; также см. Howell 1996). Основываясь на концепции жизнеобеспечения—“способности, активы (запасы, ресурсы, права и доступ) и деятельность, требуемые в целях обеспечения средств к существованию” (Chambers and Conway 1991: 6)—в исследованиях подчеркивалось разнообразие стратегий жизнеобеспечения (de Haan and Zoomers 2003; Sabates-Wheeler 2007). Они часто включали в себя как сельскохозяйственную деятельность (Shigaeva et al 2007), так и несельскохозяйственную деятельность, такую как малооборотную розничную торговлю (von der Dunk and Schmidt 2010) или трудовую миграцию (Schmidt and Sagynbekova 2008; Thieme 2008; Schoch et al 2010). Настоящее разнообразие

стратегий и реакций, описанных в этих исследованиях, выявляет неравные возможности домохозяйств (Sen 1989) в мобилизации ресурсов, необходимых для управления внешними эффектами и поддержания устойчивого жизнеобеспечения.

Несколько факторов лежат в основе все усиливающегося социального расслоения, создающего серьезный уровень бедности: неравные мобильность и доступ к рынку или возможностям трудоустройства, поляризация социальных связей и последовательное социальное исключение (маргинализация) самых бедных слоев населения (Kuehnast and Dudwick 2004); необратимое ухудшение услуг здравоохранения, образования и социального обеспечения; и неравный доступ к общим ресурсам, таким как пастбища, вода и лесное хозяйство. С другой стороны, имеется недостаток анализа конкретной роли производства продукции и доходов аграрного пастбищного животноводства в неравенствах, наблюдаемых в сельской местности. В зависимости от ресурсов и выбора производства со стороны домохозяйств, результаты аграрной пастбищно-животноводческой деятельности могут нести в себе весьма отличающиеся нормы рентабельности на рынке, однако взаимозависимость различных видов деятельности (земледелие, животноводство и внехозяйственные работы) требует соответствующих концептуальных инструментов.

По этой причине я приняла системный подход, основываясь на методологии “диагностики аграрной системы” (FAO 1999; Cochet 2011), разработанной в 1960-х неортодоксальными агроэкономистами (Colin and Crawford 2000). Концепция системы ведения фермерского хозяйства или производства предполагает, что каждое фермерское хозяйство (в данном случае, основанное на домохозяйстве) мобилизует различные ресурсы—такие как земля, труд, капитал, оборудование и доступ к общим ресурсам (DFID 2001)—для различных приносящих доход видов деятельности. Все они формируют связный набор сложных взаимосвязей (самоснабжение входными ресурсами производства, инвестиции, однако также напряженность в распределении ресурсов). Понимание как внутреннего функционирования каждого вида деятельности, так и его взаимосвязи с другими видами помогает разобраться в организации и логике производства фермерского хозяйства. Общие конечные продукты, состоящие из внутренне потребляемой и реализуемой на рынке сельскохозяйственной продукции и прочих доходов, придают особое значение экономическим результатам системы и ее подверженности рискам. Это помогает охарактеризовать потенциальные траектории жизнеобеспечения домохозяйств (обеднение, поддержание на текущем уровне или прогресс) в среднесрочной перспективе.

Область исследования

Данное исследование сосредоточено на восточной части Чуйской области на севере Кыргызстана (Чуйский и Иссык-Атинский районы, 180 000 жителей, 42,46°N, 75,14°E). Большая и плоская Чуйская долина (высота над уровнем моря 700–1200 м) прекрасно подходит для орошаемого и механизированного земледелия. После развала советской экономики, промышленные сельскохозяйственные культуры уступили место натуральным, товарным сельскохозяйственным культурам (пшенице). В последние несколько лет производство корма и ячменя существенно выросло по причине восстановления поголовья скота (Favre et al 2010). В селах огородничество представляет собой важный компонент домохозяйственного потребления (картофель, овощи, фрукты и кукуруза для животных). Зимой скот содержится в селах, выпасаясь на коллективных пастбищах и скошенных полях, а также поедая собранный корм. Почти все животные проводят лето на окружающих горных пастбищах (*жайлоо*) на высоте между 1800 и 3500 м. Эти угодья находятся в государственной собственности и управляются местными комитетами пастбищепользователей (Jacquesson 2010b; Steimann 2011).

Большинство населения районов компактно проживает в низинах, вокруг многонациональных городов Токмок и Кант. За пределами городской местности более трех четвертей населения составляют кыргызы, оставшаяся часть представлена, в основном, русскими и дунганями, а также в меньшей степени немцами и турками-месхетинцами. Близость от таких динамичных мест, как Казахстан и Бишкек—столица Кыргызстана находится всего в 1- 1.5 часах езды на общественном транспорте—предоставляет фермерским хозяйствам возможность продавать свою высокотоварную сельскохозяйственную продукцию. Возможности трудоустройства также позволяют обеспечить диверсификацию доходов. Сегодня эта область является одной из наиболее динамично развивающихся в республике и привлекает население сельской местности из центральных и южной областей республики.

Главными вопросами, изучаемыми в настоящем исследовании, являются следующие: Какие виды систем домохозяйственного ведения фермерского хозяйства можно наблюдать в данной области? Каковы активы, доходы, риски и экономические перспективы, связанные с каждой системой? Что можно узнать о текущей социально-экономической динамике в Чуйской области?

Методология

Исследование проводилось с марта по июль 2011 г. на основе эмпирического подхода (*enquête informelle*, см. Laber and Palm 1999). Была проведена серия предвари-

тельных открытых собеседований с 14 ключевыми формирующими лицами, такими как старейшины сел с тем, чтобы понять прошлую и текущую социально-экономическую динамику в этой области и сформировать соответствующие категории для сбора данных. Затем было проведено основное исследование, состоящее из 40 продолжительных собеседований с членами домохозяйств (Таблица 1). Учитывая достаточно большое количество домохозяйств в этой области и ограниченные исследовательские ресурсы, был выбран метод целевой выборки, ставящий акцент в каждой категории на разнообразие исследуемых ситуаций (очевидное экономическое положение, активы, размер домохозяйства, возраст и пол представителя домохозяйства, ряд деятельности), с тем чтобы подчеркнуть общие тенденции. Согласно работе Flyvbjerg (2006: 229), такой стратегический отбор исследуемых ситуаций может повысить обобщенность ситуационного исследования: “Зачастую гораздо важнее выяснить глубинные причины, стоящие за той или иной, отдельно взятой проблемой и ее последствиями, нежели описать симптомы проблемы и то, как часто они проявляются”.

В использованном полуструктурированном вопросе рассматривались активы фермерского хозяйства (трудовые ресурсы, земля, скот, оборудование и потоки денежных средств), функционирование систем земледелия и животноводства (включая ведение приусадебного садоводства, кормового хозяйства, молочного хозяйства и птицеводческого хозяйства), маркетинг и прочие источники доходов и доходоприносящие виды деятельности. Для того чтобы подчеркнуть значимость непредвиденных ограничений и логики, особое внимание уделялось сочетанию этих видов деятельности в плане рабочего времени и управления потоками денежных средств на протяжении всего года.

Анализ данных привел к созданию типологии систем семейного ведения фермерского хозяйства (ССФХ), каждая из которых представляет конкретное сочетание видов деятельности. Для обеспечения понимания социально-экономических траекторий со времен советской эпохи также особо принимались во внимание жизненные истории респондентов. Затем благодаря моделированию каждого “идеального типа” (Weber 2002) стало возможным оценить средние доходы в денежном и неденежном (натуральном) выражении, потенциал сбережений и инвестиций и управление рисками—другими словами, чтобы оценить экономическую жизнеспособность в среднесрочной перспективе. Исследования рыночных товарных цепочек (Challies 2008; de la Martinière 2012), основанные на наблюдениях на базарах и в ходе 16 открытых собеседований с торговцами, представителями мясоперерабатывающих предприятий и розничными

реализаторами, стали последним элементом собранного массива данных.

В данной эмпирической, качественной и основанной на полевой работе методологии избегаются классические пробелы и разрывы, присущие статистическим исследованиям, касающимся доходов или активов (Kandiyoti 1999) и обеспечивается возможность проведения более всеобъемлющего и динамичного анализа, даже если трудно оценить повторяемость каждой ССФХ в этой области. В рамках целостного подхода, в данной методологии требуется прямое вовлечение исследователя при помощи местного научного ассистента (в данном случае, женщина кыргызской национальности, владеющая кыргызским, русским и французским языками).

Результаты

Типология семейных фермерских хозяйств

В сельской местности Чуйского и Иссык-Атинского районов были выявлены четыре основных системы семейного ведения фермерского хозяйства, в основном, основанные на своем рыночном производстве (Рисунок 1). Также были определены другие специфичные ССФХ, такие как товарное плодовоовощеводство среди дунганских семей и различные типы фермерских предприятий, однако, они не обсуждаются в данной статье.

ССФХ1: бедные домохозяйства (приусадебное садоводство и поденная работа): Во главе большинства наименее благополучных домохозяйств в селах стоят одинокие родители или престарелые люди. В некоторых из них также присутствует много детей. У них нет достаточно активов (трудовых ресурсов и денежных средств) для возделывания земли, поэтому они продали или сдали в аренду землю, которую они получили в ходе аграрной реформы. Большинство из них работают в других фермерских хозяйствах поденщиками. Приусадебный огород, домашняя птица и, иногда, корова обеспечивают продукцию для домашнего потребления, а иногда и её излишки, которой продаются на близлежащих рынках в гг. Токмок или Бишкек. Они являются экономически зависимыми единицами, поскольку полагаются на нерегулярные возможности трудоустройства и на социальную и семейно-родственную помощь, требующаяся для приобретения продуктов питания, производить которые самостоятельно они не способны (мука, масло, сахар и чай). Они страдают от явной зависимости от рынка, который им необходим для удовлетворения их базовых потребностей. Несмотря на действующую социальную помощь (пенсии и семейные социальные пособия), они часто испытывают финансовые трудности в конце зимы и в начале весны по причине повышения цен на про-

дукты питания. Отсутствие продовольственной безопасности и недостаточность питания, таким образом, могут стать реальными проблемами, особенно для тех, кто не может диверсифицировать свой доход за счет мелких работ или товарного садоводства.

Их постепенное исключение из традиционных сетей взаимопомощи и недостаток связей, которые могли бы им помочь в получении доступа к государственным услугам и работам (Kuehnast and Dudwick 2004; Pétric 2011), подчеркивают их уязвимость и не позволяют им вырваться из бедности. Согласно работе Shigaeva et al (2007), в рамках которой было проведено аналогичное исследование в близлежащем селе Сокулук, эти домохозяйства представляют около 20% местного населения.

ССФХ2: рискованные системы ведения малого земледельческого фермерского хозяйства: Эта категория состоит из более традиционных нуклеарных семей, участвующих в малом орошаемом земледелии на средней площади земельного участка 2–6 га. Производство механизировано; люди, как правило, платят трактористу за вспашку, посев и сбор урожая. Основными продуктами являются зерновые злаки и кормовые культуры, как потребляемые дома, так и продаваемые на рынке. Это является основным сельскохозяйственным денежным доходом для этих семей. Имея малое, ориентированное на семью стадо (2–30 голов овец или коз), их условия жизни лучше, чем у семей системы ССФХ1, и они имеют возможность регулярно есть мясо.

Тем не менее, данная система производит мало выходных продуктов с добавленной стоимостью (ценностью) (около 300 долларов США на 1 га в случае пшеницы в хороший год, что означает 75 долларов США в месяц на 3 га) и чувствительна к колебаниям цен на сельскохозяйственную продукцию и входные ресурсы производства: падение международных цен на злаковые в один год (см. Рисунок 2) может снизить доход семьи в половину и заставить ее продать весь свой скот, чтобы купить базовые продукты первой необходимости. Более того, большую часть своих доходов они получают лишь осенью, что означает, что весной у них зачастую проблемы с оплатой стоимости посева. Некоторые из них все в большей мере переходят на возделывание кормовых сельскохозяйственных культур (люцерна и клевер), поскольку стручковые растения восполняют дефицит удобрений и высеваются лишь каждые 2–3 года, а тюки сена гораздо легче хранить и продавать в течение года. Увеличивающееся поголовье скота привело к образованию устойчивого регионального рынка кормов, а добавленная стоимость (ценность) на гектар выше (500 долларов США на гектар и выше). С другой стороны, по техническим причинам, трудно возделывать как

РИСУНОК 1 Основные системы ведения фермерского хозяйства в Чуйской области: сложное сочетание земледельческих и скотоводческих систем с неравными экономическими результатами.

кормовые культуры, так и обычные сельскохозяйственные культуры, а домохозяйство, которое возделывает кормовые культуры зачастую вынуждено покупать муку на рынке по высоким ценам.

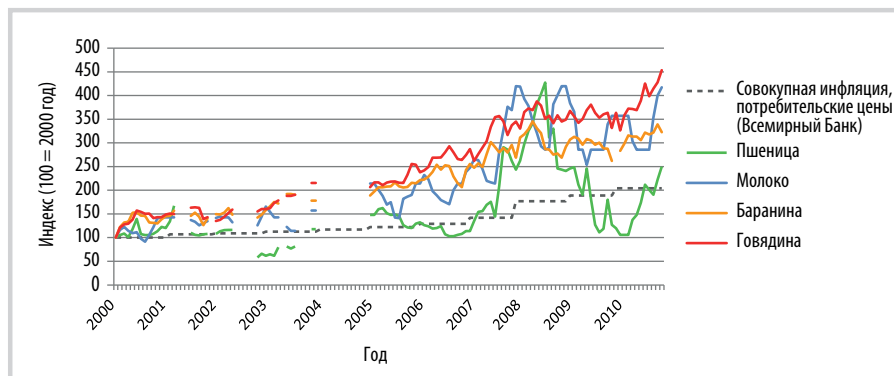
В среднесрочной перспективе, данная ССФХ все еще подвержена колебаниям цен и климатическим рискам и будет продолжать нести в себе низкий потенциал экономической устойчивости до тех пор, пока не будет достигнуто определенное пороговое значение, которое будет служить в форме подстраховки. По этой причине многие члены этих домохозяйств думают о поиске другой работы в Бишкеке (к примеру, водителем такси, охранником или продавцом) или о миграции. Работы на неполную ставку (непостоянные работы) или сезонные внехозяйственные работы типичны для этой категории и покрывают ежедневные расходы или приобретение семян.

ССФХ3: устойчивые системы ведения земледельческого и молочного хозяйства: Эта категория, на первый взгляд, весьма похожа на ССФХ2. Домохозяйства поддерживают ту же систему земледелия и имеют небольшое стадо. Тем не менее, фермерские хозяйства типа ССФХ3 накопили большой объем капитала и инвестировали его в молочное производство. Деньги поступают, в

основном, от дополнительных работ и миграции, а иногда и от микрокредитных компаний. Эти домохозяйства кормят свой скот злаковыми и кормовыми культурами и обеспечивают свой доход за счет продажи продукции животноводства, цены на которую выросли и остаются стабильными с 2007 г. (Рисунок 2). Поэтому эти фермерские хозяйства менее уязвимы к международным рыночным изменениям по сравнению с фермерскими хозяйствами типа ССФХ2. Продажи молока обеспечивают регулярный доход в денежной форме на протяжении 7–8 месяцев в году, однако это требует дополнительных женских трудовых ресурсов (женщина, доящая до 5 или 6 коров в день). Телят, рождающихся на ферме, также можно выращивать и продавать на базаре по мере возникновения потребности в деньгах. По этим причинам эта система ССФХ экономически устойчива в среднесрочной перспективе.

ССФХ4: динамичные системы ведения ориентированного на производство мяса фермерского хозяйства: Скот играет самые разные роли в жизнеобеспечении в сельской местности: домашние сельскохозяйственные животные производят еду, необходимую для самодостаточности (молочная и мясная продукция), представляют

РИСУНОК 2 Индекс цен на продовольственные товары в г. Токмок, Кыргызстан, 2000–2011. (Источник: Государственный комитет Кыргызской Республики по антимонопольной политике 2011)

собой всегда доступный источник денег и несут в себе большую социальную значимость для праздников и событий из жизненного цикла людей (Schoch et al 2010). Домохозяйства имеют тенденцию содержать свой скот настолько долго, насколько это возможно, и продавать его исключительно когда им требуются деньги.

Лишь самые богатые семьи могут позволить себе аккумулировать достаточно денежных средств, чтобы разработать серьезное ориентированное на производство мяса фермерское хозяйство (ССФХ4 определяется как владение более 30 овцами, 6 коровами и лошадью). В этом случае сельскохозяйственные культуры также используются для корма скота; фермерам даже приходится возделывать дополнительный объем кормовых культур на арендуемых орошаемых или богарных землях, либо покупать дополнительный объем корма, как правило, у фермерских хозяйств системы ССФХ2. Животноводы с наибольшими стадами, как правило, имеют собственные коровники в горах и бесплатно используют общие пастбища, что повышает рентабельность их системы производства.

Фермерские хозяйства типа ССФХ4, за счет продажи на рынке как молочной, так и мясной продукции, обеспечивают себе более высокие уровни дохода. Более того, скот представляет собой эффективную систему инвестиций и подстраховки. В то время как стратегии домохозяйств с низким и средним доходами сосредоточены на самодостаточности и управлении рисками, обеспеченные домохозяйства могут идти на риск и принимать стратегии накопления. Выручку от продажи взрослых особей домашнего скота можно легко reinvestировать в молодняк, особенно весной, с целью его откорма на летних пастбищах. Эти домохозяйства находятся в том положении, когда они могут накапливать капитал и разрабатывать новые виды деятельности, такие как малые торгово-розничные предприятия или компании, занимающиеся арендой сельскохозяйственной техники (Shigaeva et al 2007).

Сравнение между типами

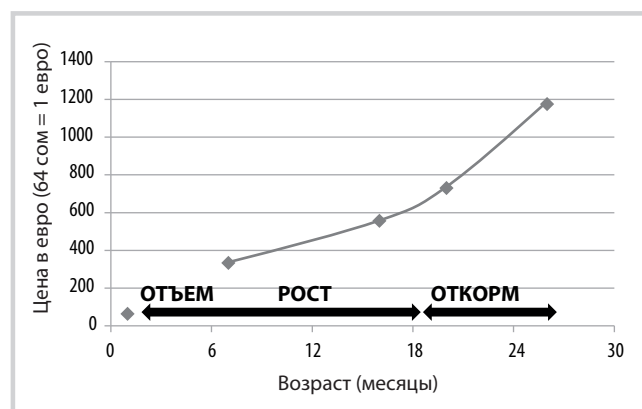
Данная основанная на потенциале типология показывает, что фермеры по-разному сталкиваются с макроэкономическими барьерами. Наиболее уязвимыми домохозяйствами являются те, которые для того чтобы выжить, постепенно продали землю, полученную в ходе деколлективизации, и которые не смогли организовать прибыльную систему ведения фермерского хозяйства с интенсивным товарным садоводством. Некоторые домохозяйства (ССФХ2) постепенно переходят на менее рискованные типы работ с регулярными, если не высокими, доходами. Другие (ССФХ3–ССФХ4) стали устойчивыми до такой степени, что они уже не полагаются на внешние виды деятельности для того, чтобы удовлетворить свои базовые потребности. Те фермерские хозяйства, что специализируются на производстве мяса (ССФХ4), в особенности говядины, быстро выросли.

Выборы производства зависят не только от активов домохозяйства, в особенности капитала, но и от решений, касающихся распределения ресурсов между хозяйственными и внешними видами деятельности. Как отмечалось в работе Schoch et al (2010), существует много разных стратегий диверсификации, и не все они улучшают устойчивость жизнеобеспечения в долгосрочной перспективе: использование внешних доходов исключительно для покрытия текущих расходов и недостаток инвестиций в сельское хозяйство, в целом, приводят к высокой рискованности и неспособности воспользоваться возможностями рынка.

Является ли говядина “бычьим рынком”?

Данный анализ говорит о центральной роли животноводства в поддержании жизнеобеспечения в сельской местности. Местный индекс цен на продовольственные товары (Рисунок 2) показывает постоянное повышение цен на продукцию животного происхождения. В то время как поголовье скота непрерывно увеличивалось на

РИСУНОК 3 Цены на самцов КРС в г. Токмок, Кыргызстан, апрель–май 2011 г. (Источник: личная полевая работа)

протяжении последних 10 лет, цена на говядину выросла в 4,5 раза, а цена на баранину выросла в 3,3 раза; за тот же период, общий уровень цен в Кыргызстане повысился лишь в 2 раза (World Bank 2011). Эта тенденция стала еще более выраженной в 2010–2011 гг. Рынок говядины существенно развился за последние 10 лет. Чаще всего баранина и, в меньшей степени, козлятина потребляется в семье, а рынок для этих товаров достаточно мал. Говядина в сельской местности не потребляется в пищу в силу трудностей с ее хранением; она продается на различных рынках в городах. Говядина была на 20% дешевле баранины в 2000 г., потому что содержит меньше жира и считается менее вкусным видом мяса (Schmidt 2001), однако, сегодня, эти два вида мяса продаются по одинаковой цене, поскольку привычный рацион в городах имеет тенденцию к сокращению потребления животного жира, диверсификации традиций приготовления пищи и повышению популярности видов пищевых продуктов международного спроса.

Сегодня производство говядины почти полностью ориентировано на рынок, и каждая система ведения фермерского хозяйства занимает особое место в этой цепочки производства: система ССФХ2 продает входные ресурсы животноводам; система ССФХ3 продает молодых телят; система ССФХ4 разводит и продает взрослых особи КРС (крупно-рогатый скот). В откорм скота также вовлечены другие участники данной цепочки, такие как профессиональные чабаны и инвесторы, которые осуществляют широкомасштабный выпас в горах с привлечением наемных работников. В настоящее время мало фермерских хозяйств участвует в первичном откорме и в откорме в завершающий период, что требует крупных коровников, потоков денежных средств, необходимых для приобретения КРС и эффективного управления кормовыми запасами. Для сравнения, к северу от Бишкека (в селах Жаны-Жер, Двадкат-Хотор и Манас), некоторые крупномасштабные фермерские предприятия

осуществляют первичный откорм и откорм в завершающий период в закрытых коровниках, при численности КРС в 100–400 голов, продавая их напрямую перерабатывающим предприятиям и розничным торговым единицам. Казахстан представляет 80% всего рынка. В текущем контексте растущих цен люди, представляющие систему ССФХ4, однако также и бизнесмены, воспользовались возможностью весьма прибыльно инвестировать свои деньги. Когда они полагаются на наемных работников, эти системы ведения фермерского хозяйства можно рассматривать действительно направленным на получение прибыли бизнесом, максимизирующим свои излишки производства. Это совершенно другая логика по сравнению с большинством других ССФХ, которые в приоритет ставят семью (Chayanov 1966).

Исследование цен на КРС на местном рынке (г. Токмок; см. Рисунок 3) четко указывает на добавленную стоимость (ценность) на каждом этапе производства говядины. Рентабельность выращивания теленка со временем растет. До отъема, теленок на базаре стоит дешево, поскольку его пища (молоко) несет в себе существенные издержки упущенных возможностей. На этапе откорма, отметим для сравнения, цена быка, которая зависит исключительно от объема мяса и жира, удваивается за 6 месяцев. Системы ведения фермерского хозяйства, которые инвестируют в откорм, извлекают наибольшую выгоду из стабильного роста цен, особенно учитывая то, что они накапливают капитал, который реинвестируется в покупку большинства телят, производимых в области; это приводит к концентрации производства говядины в руках нескольких предприятий по первичному откорму и откорму в завершающий период. Этот “бычий рынок” (рынок, на котором наблюдается тенденция роста цен, связанная с уверенностью инвесторов в продолжение повышения цен в будущем) говядины в определенный момент может отражать тенденцию к спекуляции, однако, он также подчеркивает растущий спрос на этот вид мяса в силу урбанизации и улучшения уровня жизни в урбанизированной местности, особенно в соседнем Казахстане.

Постепенная концентрация производства говядины в руках нескольких предприятий по первичному откорму и откорму в завершающий период также обеспечивается торговыми потоками от самых разных регионов республики (Иссык-Кульская, Нарынская и Ошская области) до основных мест потребления (Бишкек, Алматы и Россия). Базары, такие как тот, что в г. Токмок, расположенные всего лишь в нескольких сотнях метров от казахской границы, представляют собой узлы этой сети. Крупные и малые торговцы играют важную роль, собирая воедино раздробленное производство и управляя вопросами транспортировки и рисками, связанными с колебаниями цен. Некоторые из них являются непостоянными фер-

мерами, зарабатывающими небольшие суммы на базаре один день в неделю; некоторые проводят целые дни в селах, собирая молодых бычков, которые будут проданы напрямую фермерским хозяйствам, специализирующимся на откорме; некоторые являются бизнесменами, покупающим скот в различных областях. Поскольку среднее значение маржи одинаково для всех, составляя около 20 долларов США на одну операцию купли-продажи, их доход зависит от обеспечиваемого ими оборота. Наиболее влиятельные инвесторы на рынке говядины в Кыргызстане стремятся установить контроль над базарами, тем самым демонстрируя свое стратегическое место в экономике республики (Spector 2006).

Обсуждение и выводы

Действительно, есть определенная агроэкономическая логика в усиливающемся социально-экономическом расслоении в сельской местности. Некоторые системы ведения фермерских хозяйств (ССФХ1–ССФХ2) недостаточно рентабельны, чтобы обеспечивать гарантированное жизнеобеспечение по причине как недостатка ресурсов, так и стратегического выбора видов деятельности. С другой стороны, сельское хозяйство, основанное на высокотоварных продуктах (молочная и мясная продукция), может быть весьма прибыльной, позволяя добиться развития семейного ведения фермерского хозяйства, однако также привлекая инвестиции от городского населения в системы ведения фермерского хозяйства, спроектированные по аналогии с предприятиями. Следовательно, динамику сокращения населения сельской местности (за счет внутренней или международной миграции) нельзя объяснить низкой рентабельностью сельскохозяйственного сектора по сравнению с сектором торговли и услуг, однако можно объяснить различными отдельными стратегиями диверсификации доходов в среде неопределенности.

В данном анализе также показывается, что все домохозяйства встроены в рыночную экономику, даже если некоторые из них обладают более благоприятным положением по сравнению с другими. Академическая литература не всегда четко об этом говорит и, в целом,

проводит контраст между ориентированными на рынок и прибыльными фермерскими хозяйствами и фермерскими хозяйствами, которые отличаются бедностью и ориентацией на натуральное хозяйство (Sabates-Wheeler 2007). Конечно же, некоторые системы ССФХ добиваются прибыли, в то время как другие едва удовлетворяют свои потребности. Тем не менее, исторически сложилось так, что рынок также представляет собой возможность для бедных домохозяйств продавать свои высокотоварные продукты и покупать более дешевые основные продукты питания (Pianciola 2004).

Даже если неофициальные кооперативы, описанные в работах Sabates-Wheeler and Childress (2004) и Sabates-Wheeler (2007), постепенно разваливаются, неэффективность рынка все еще видна, когда домохозяйства, ведущие фермерское хозяйство, потребляют собственную продукцию и поставляют собственные входные ресурсы (кормовые запасы, навоз и семена). Эта практика представляет собой обычное явление независимо от размера системы ведения фермерского хозяйства. Неспособность найти технические альтернативы тракторам в целях возделывания земли также не дает возможности развиваться еще большему ряду систем земледелия, которые, возможно, были бы более рентабельными.

Чуйская долина находится в куда лучшем положении по сравнению с другими частями страны, поскольку имеет доступ к рынкам, насколько бы несовершенными не были последние. В отдаленных регионах Кыргызстана, таких как Нарынская область, просто нет возможностей, таких как ведение молочного хозяйства, для семей с низким или средним доходами, а мясо представляет собой единственный ценный продукт, который можно экспортировать. Даже если доступ к рынку носит неравномерный и несправедливый характер, этим семьи должны быть способными пользоваться возможностями рынка и изыскивать возможности инвестировать больше в свою хозяйственную деятельность, если они хотят зарабатывать на жизнь за счет различных ресурсов этого горного региона. Соответственно, политика по развитию в этой области должна содержать информацию и стимулы, которые поддерживают такие предпринимаемые усилия.

РИСУНОК 4 Кыргызские женщины продают коров на базаре в г. Каракол (май 2009 г., Иссык-Кульская область, Кыргызстан). (Фото автора)

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Автор выражает благодарность Международному научному объединению “Кочевничество, общества и окружающая среда в Центральной и Северной Азии”, Университету Париж X — Нантер (Франция) и Французскому институту исследований Центральной Азии (Узбекистан), которые профинансировали

данное полевое исследование в Кыргызстане, а также Центру исследований горных сообществ Университета Центральной Азии за поддержку публикации данной статьи. Признательность также выражается Аиде Юсуповой, переводчику и научному ассистенту, за ее энтузиазм и дружескую помощь.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abramzon SM.** 1971. Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svâzi. Leningrad, Russia: Nauka.
- Ajibekov A.** 2005. Strategies for Development and Food Security in Mountainous Areas of Central Asia. Dushanbe, Tadjikistan: Inwent [Internationale Weiterhilfe und Entwicklung], GTZ [Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit], Aga Khan Foundation.
- Challies ERT.** 2008. Commodity chains, rural development and the global agri-food system. *Geography Compass* 2:375–394.
- Chambers R, Conway GR.** 1991. Sustainable Rural Livelihoods: Practical Concepts for the 21st Century. IDS Discussion Paper 296. Brighton, United Kingdom: Institute of Development Studies.
- Chayanov A.** 1966. The Theory of the Peasant Economy. Homewood, IL: The American Economic Association.
- Cochet H.** 2011. Origine et actualité du “système agraire”: Retour sur un concept. *Revue Tiers Monde* 207(3):97–114.
- Colin JP, Crawford EW.** 2000. Economic perspectives in agricultural systems analysis. *Review of Agricultural Economics* 22(1):192–216.
- de Haan L, Zoomers A.** 2003. Development geography at the crossroad of livelihood and globalization. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie* 93(3):350–362.
- de la Martinière R.** 2012. Recompositions agropastorales et développement de la filière bovine dans un système économique libéralisé (oblast de la Chuy, Kirghizstan). *Revue d'Études Comparatives Est-Ouest, Articles in Press*, June 2012.
- DFID [Department for International Development].** 2001. Sustainable Livelihoods Guidance Sheets. London, United Kingdom: Department for International Development.
- FAO [Food and Agriculture Organization].** 1999. Guidelines for Agrarian Systems Diagnosis. Rome, Italy: FAO. <http://www.fao.org/sd/ltidirect/LTre0010.htm>; accessed on 27 September 2011.
- FAOSTAT [Food and Agriculture Organization Statistics Division].** 2011a. Population Annual Time Series. Rome, Italy: FAOSTAT. <http://faostat.fao.org>; accessed on 1 July 2012.
- FAOSTAT [Food and Agriculture Organization Statistics Division].** 2011b. Live Animals Series. Rome, Italy: FAOSTAT. <http://faostat.fao.org/>; accessed on 1 July 2012.
- Farrington J.** 2005. De-development in eastern Kyrgyzstan and persistence of semi-nomadic livestock herding. *Nomadic People* 9(1–2):171–197.
- Favre R, Kurbanova G, Dhur A.** 2010. 2010 Special Report FAO/WFP Crop and Food Security Assessment Mission in Kyrgyzstan. Rome, Italy: Food and Agriculture Organization and World Food Programme. <http://www.fao.org/docrep/013/al970e/al970e00.pdf>; accessed on 27 September 2011.
- Flyvbjerg B.** 2006. Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative Inquiry* 12(2):219–245.
- Giovarelli R.** 1998. Land Reform and Farm Reorganisation in the Kyrgyz Republic. RDI Reports on Foreign Aid and Development 96. http://www.landesa.org/wp-content/uploads/2011/01/RDI_096.pdf; accessed on 27 September 2011.
- Howell J.** 1996. Coping with transition: Insights from Kyrgyzstan. *Third World Quarterly* 17(1):53–68.
- Ives J.** 2001. Highland-Lowland Interactive Systems. Draft of Document for FAO-FORC/IYM. Rome, Italy: Food and Agriculture Organization. <http://www.fao.org/forestry/12408-0c3cc6fd0b741cebf40769c2130c27f99.pdf>; accessed on 1 October 2011.
- Jacquesson S.** 2003. Au coeur du Tian Chan: Histoire et devenir de la transhumance au Kirghizstan. *Cahiers d'Asie Centrale* 11–12:203–244.
- Jacquesson S.** 2010a. Pastoréalismes: Anthropologie Historique des Processus d'Intégration du Kirghiz du Tian Shan Intérieur. Wiesbaden, Germany: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Jacquesson S.** 2010b. Reforming pastoral land use in Kyrgyzstan: From clan and custom to self-government and tradition. *Central Asian Survey* 29(1):103–118.
- Japarov A.** 2002. Traditsionnoe skotovodstvo i sotsial'naâ organizatsiâ u kirgizov. Bishkek, Kyrgyzstan: Referat Soiskanie Nauchnoj Stepeni Kandidat Istorieskikh nauk.
- Kandiyyoti D.** 1999. Poverty in transition: An ethnographic critique of household surveys in Central Asia. *Development and Change* 30:499–524.
- Kerven C, Steimann B, Ashley L, Dear C, ur Rahim I.** 2011. Pastoralism and Farming in Central Asia's Mountains: A Research Review. Bishkek, Kyrgyzstan: Mountain Societies Research Center.
- Kuehnast K, Dudwick N.** 2004. Better a Hundred Friends than a Hundred Rubles: Social Networks in Transition—the Kyrgyz Republic. World Bank Working Paper No. 39. Washington, DC: World Bank.
- Labé V, Palm R.** 1999. Statistique, empirique, informelle: Quelle enquête pour la collecte d'information sur les exploitations agricoles? *Cahiers Agri-cultures* 8(5):397–404.
- Light MK.** 2007. Agriculture in Kyrgyzstan: Growth Engine or Safety Net? Washington, DC: World Bank, Commission on Economic Growth. http://siteresources.worldbank.org/INTKYRGYZ/Resources/1_KG_AG_Study_Eng.pdf; accessed on 27 September 2011.
- Musabekov O et al.** 1999. Reformy i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye sela. Bishkek, Kyrgyzstan. (Quoted in Jacquesson 2010a.)
- Pétric B.** 2011. Pouvoirs, identités et ressources: Construction de la solidarité au Kirghizstan. *Cahiers d'Asie Centrale* 19–20:345–366.
- Pianciola N.** 2004. Famine in the steppe: The collectivization of agriculture and the Kazak herdsman 1928–1934. *Cahiers du Monde Russe* 45(1–2):137–192.
- Sabates-Wheeler R.** 2007. Safety in small numbers: Local strategies for survival and growth in Romania and the Kyrgyz Republic. *Journal of Development Studies* 43(8):1423–1447.
- Sabates-Wheeler R, Childress M.** 2004. Asset-Pooling in Uncertain Times: Implications of Small-Group Farming in the Kyrgyz Republic for Agricultural Restructuring. IDS Working Paper No. 239. Brighton, United Kingdom: Institute of Development Studies.
- Schmidt M, Sagynbekova L.** 2008. Migration past and present: Changing patterns in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey* 27(2):111–127.
- Schmidt P.** 2001. The scientific world and the farmer's reality: Agricultural research and extension in Kyrgyzstan. *Mountain Research and Development* 21(2):109–112.
- Schoch N, Steimann B, Thieme S.** 2010. Migration and animal husbandry: Competing or complementary livelihood strategies: Evidence from Kyrgyzstan. *Natural Resources Forum* 34(3):211–221.
- Sen A.** 1989. Development as capability expansion. *Journal of Development Planning* 19:41–58.
- Shigaeva J, Kollmair M, Niederer P, Maselli D.** 2007. Livelihoods in transition: Changing land use strategies and ecological implications in a post-soviet setting (Kyrgyzstan). *Central Asian Survey* 26(3):389–406.
- Spector R.** 2006. Who Governs the Marketplace? The Politics of Bazaars in Kirghizstan. Bishkek, Kyrgyzstan: Institute for Public Policy.
- State Committee of the Kyrgyz Republic of Antimonopoly Policy.** 2011. Food Commodities Prices in Tokmok Bazar, Chuy Oblast. Unpublished data, available from the Committee.
- Steimann B.** 2011. Making a Living in Uncertainty: Agro-pastoral Livelihoods and Institutional Transformation in Post-socialist Rural Kyrgyzstan. Bishkek, Kyrgyzstan, and Zurich, Switzerland: Human Geography Series 26.
- Thieme S.** 2008. Sustaining livelihoods in multi-local settings: Possible theoretical linkages between transnational migration and livelihood studies. *Mobilities* 3(1):51–71.
- USAID [United States Agency for International Development]/UKaid.** 2011. A Regional View of Wheat Markets and Food Security in Central Asia with a Focus on Afghanistan and Tadjikistan. Washington, DC, and London, United Kingdom: USAID/UKaid. <http://documents.wfp.org/stellent/groups/public/documents/ena/wfp238576.pdf>; accessed on 27 September 2011.
- von der Dunk A, Schmidt M.** 2010. Flourishing retail in the post-Soviet sphere? Potentials and constraints of small-scale retail activities in rural Kyrgyzstan. *Communist and Post-Communist Studies* 43:233–243.
- Weber M.** 2002. The Protestant Ethic and the “Spirit” of Capitalism. London, United Kingdom: Penguin Books.
- World Bank.** 2011. Economic Policy and External Debt. World Development Indicators & Global Development Finance. World dataBank. <http://data.worldbank.org>; accessed on 1 July 2012.
- World Bank Kyrgyzstan.** 2007. Kyrgyz Republic: Livestock Sector Review: Embracing the New Challenges. World Bank Kyrgyzstan. http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSPContentServer/WDSP/IB/2007/03/14/000090341_20070314160221/Rendered/PDF/390260KGOLives1iew0P09028701PUBLIC1.pdf; accessed on 27 September 2011.